

- ⁵ Кудрявский Д.Н. Грамматика древнегреческого языка. Тарту, 1964, 269.
- ⁶ См.: Кумахов М.А. Число и грамматика // ВЯ. 1969. № 4, 67.
- ⁷ См. об этом: Schmidt I. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889; Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1968. М., 1971, 24–67; Дегтярев В.И. Рефлексы индоевропейской формы собирательности на *-ā в балтийских и славянских языках // Baltistica, 1994, № 4. Priedas.
- ⁸ См.: Дегтярев В.И. Плюрализация имен собирательных в истории славянских языков // ВЯ 1987, № 5, 59–73.
- ⁹ См.: Dostál A. Vývoj duálu v slovanských jazycích, zvláště v polštině. Praha, 1954, 17–24.
- ¹⁰ См.: Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 2. СПб., 1891, 187.

Н.В. Чурмаева*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Нет никакого противоречия в том, что исторические словари, являющиеся основным источником исследований по исторической лексикологии, сами создаются в результате лексикологических исследований. Это положение в настоящее время так общеизвестно и бесспорно, что на нем нет необходимости настаивать.

Общеизвестно и другое: исторический словарь – это словарь текстов. Все данные о слове лексикограф должен соотнести с условиями текста и в конечном счете руководствоваться только им. Как писала Л.Л. Кутина в одной из своих работ, "показ уровня употребления является принципиальным требованием для исторического словаря". Это означает, что из всех своих знаний о слове лексикограф отразит в словарной статье лишь те, которые согласуются с текстом. Различие между методологией исследования лексики и методом ее описания в словаре нередко приводит к противоречиям семантического плана, снять которые могут только дальнейшие исследования.

Как и в любом другом исследовании, при определении значения слова в словаре важна доказательность. Отказ от нее, диктуемый традиционным типом исторического словаря, весьма осложняет работу лексикографа-историка и оставляет его труд в какой-то степени незаконченным. В данном случае речь идет не о таких словах как, например, *хлѣбъ*, значение которого со всей его бытовой и религиозно-отвлеченной символикой является устойчивым и хорошо изученным. Речь идет о редких словах, для которых текст является основным источником сведений о значении для лексикографа и основным доказательством правильности толкования для читателя словаря. Степень же информативности текстов, как известно, бывает разной.

Встречаются "прозрачные" тексты, не только иллюстрирующие, но и доказывающие правильность определения. Например, для слова *епископъ* 'наблюдатель': *скопъ холмъ высокъ наричеться. на*

* © Н.В. Чурмаева

немже стражь бывакть. і кто на немь верху стоа стержеть. і смотрять сѣмо і овамо. *епископосъ* нарицаеться. Кормчая рязанская 1284, 45г, см. греч. ἐπίσκοπος.

Бывают тексты "глухие", из которых значение слова невыводимо. Именно для таких случаев традиционная форма словарной статьи предстает как неудовлетворительная. Приведем один пример. В "Материалах для Словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского глагол *сѣчувати* определен как 'узнать', в "Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)" – как 'увещевать' при одинаковом для обоих словарей тексте. Отсутствие в словарной статье каких-либо доводов в пользу предлагаемого толкования приводит к тому, что исследователь, пользующийся словарем, вынужден вновь искать его обоснование, т.е. делать работу, уже сделанную автором словарной статьи.

В ряде случаев лексикограф может показать обоснованность своего определения самим толкованием, например, к толкованию существительного *десньць* 'печень' дать пояснение "орган, расположенный с десной ('правой') стороны". См. также в "Словаре русского языка XI–XVII вв." определение одного из значений прилагательного *наметочный*: 'предназначенный для изготовления особого рода ткани (ср. польское *namiótka* ~ 'род полотна')?' Широко используется этот метод в "Материалах" Срезневского, например, в статье *засобъ* 'опять' приводится указание на чеш. *zas, zase* и польск. *zaś*. В случае, если такое соответствие является ошибочным и ошибочно толкование слова (что нельзя исключить в лексикографической работе), читателю будет ясен ход рассуждения автора, а это дает возможность лексикологу отрабатывать другую линию в поисках места слова в структурно-семантической системе языка.

Однако не все исторические словари пользуются этим способом. "Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)", наиболее полно представляющий лексику древнейшего периода русского языка, придерживается иных принципов толкования слов. Лексические соответствия последовательно приводятся только для заимствований из греческого языка. Авторское сомнение в правильности толкования традиционно обозначается знаком "?". Следует особо подчеркнуть, что большинство вопросов, поставленных и подразумеваемых, в действительности относятся не столько к слову, сколько к тексту.

При лексикографическом описании древнерусской лексики решение лексикологических вопросов осложняется проблемами текстологическими, иногда прямо зависит от них. Для примера возьмем простейший случай, один из наиболее часто встречающихся в материале памятников, когда любое из возможных членений текста на слова (т.е. любое чтение текста) может быть поставлено под сомнение. Пример из Палеи по сп. 1406 г.: да и вы заповѣсте чадомъ вашимъ. иже *исказахъ* вамъ. (л. 102в). В т. IV Словаря XI–XIV вв. этот пример дан в словарной статье *изсѣказати*, т.е. с начальным *и*. Решение правильное, хотя чтение *и сказахъ* тоже возможно, имея в виду распространенность

употребления союза *и* в роли усилительной частицы именно в позиции к глаголу: он же... не хотѣ *и слышати* ласкы оца своего (ЛН XIII–XIV, 141, 1265 г.). Правильность решения подтверждается другим примером, случайно не попавшим в упомянутую статью, – из Жития Варлаама и Иоасафа XIV–XV вв., л. 9 г: тѣмже *ѡвѣ нѣкаѡ и суетнаѡ тщесловыѡ изсказалъ* кси. Здесь вопрос снимается наличием греческого текста, где нет союза *καί*, а только глагол *διεξήληθε* (*διεξήληθον* – аор. от *διεξέρχομαι* ‘обстоятельно излагать, рассказывать’). Однако вопрос формы слова остается открытым: *изсказати* или *изказати*? Семантические границы того и другого глагола неопределенны и помочь в решении не могут, т.е. очевидных смысловых преград для формы *изказати* нет.

Подобный случай находим в тексте изданного памятника – Ипатьевской летописи в записи под 1249 г.: Львови же дѣтськоу соуцоу пороучи и Василкови. храброу соуцоу бояриноу. и крѣпкоу. и да *и стрезеть* его во брани. (л. 269 об.). (Речь идет о Льве, юном сыне князя Даниила Романовича галицкого, и Васильке Гавриловиче, боярине галицком, товарище князя Даниила). Вопреки издателям летописи, есть основание читать последнюю строку приведенного текста иначе: да *истрезеть* его во брани – ‘да сохранит, сбережет его в бою’, т.е. видеть здесь глагол с приставкой: *изстрещи*, *-гоу*, *-жетъ* – ‘уберечь’. В качестве справки отметим, что в “Материалах” Срезневского нет глагола *изстрѣщи*, а в словарной статье *стрѣщи* нет интересующего нас примера из Ипатьевской летописи.

Ниже остановимся на более трудных случаях, требующих подробного разбора текста прежде всего потому, что эти слова уже представлены в словарях.

мѣстѣлица

Интерес к этому слову вызван его необычной формой: с точки зрения русского словообразования, она представляется странной.

Слово встретилось в Пандектах Антиоха по списку Троицкого сборника (Торжественника) XII/XIII вв. и имеет своего рода традицию лексикографического описания. *Мѣстѣлица* приводится в “Материалах для Словаря древнерусского языка” И.И. Срезневского в сопровождении следующего текста: Въ малѣ ктерѣ *мѣстѣлицѡ* (in agello quoriam). Панд. Ант. XII–XIII в. 138. и с толкованием *agellus*. Соответственно слово представлено в обратном словаре “Indeks a tergo do Słownika staroruskiego I. Srezniewskiego” (Warszawa, 1968). Со ссылкой на Срезневского (знак “звездочка” в конце статьи) слово *мѣстѣлица* вошло в “Словарь русского языка XI–XVIII вв.”, толкование слова сопровождается вопросом: *Мѣстѣлица*, ж. ‘Небольшой участок земли ?/!/: Въ малѣ етерѣ *мѣстѣлицѡ* (in agello quoriam). Панд. Ант. XII–XIII вв., 138*.

В настоящее время опубликованы оба памятника письменности, в которых есть это слово, – памятники изданы с разделением на слова: Троицкий сборник (Лейден, 1988. Публикаторы И. Поповский, Фр. Томсон, В.Р. Ведер) и Пандекты Антиоха XI в. (Лейден, 1989. Публикатор И. Поповский). Текст с интересующим нас словом по списку Троицкого сборника дословно повторяет текст Пандектов Антиоха XI в., различия есть только в графике и орфографии (*създавъи* XI в. – *създавъи* XII–XIII вв., *добрына* XI в. – *добрына* XII–XIII вв., *съвърша-жита* XI в. – *съвършающа* XII–XIII вв. и т.д.), поэтому в нашем изложении будет использоваться только текст Троицкого сборника по рукописи ГБЛ, ф. 304, № 12, входящей в число источников "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)".

Приведем полный текст с этим словом:

азъ ти рекоу. бѣ създавъи члѣва. самовластьна и створи. при-
имъна прилогъ добрына. и злобы. насаженикѣ многа чювьствия.
ѣко въ малѣ ктерѣ мѣстѣлицѣ. слоужитель чинъ съвършающа.
посажакъ въ нихъ ѣко ѣра блага и правьдна. влѣдчнѣго оума.
соудима оубо ксть. тобою. добръ и зълъ. сирѣчь цѣломоудрык. и
нечистота. ласкърдык. и пощеник. ѣрость. и кротость. величаник.
и сѣмѣреник. и штиноудъ всѣка добрадѣтель тѣжоу иматъ съ
злобою. аще оубо оумъ ѣсоудитъ зълбоу. а ѣправьдитъ доброу
дѣтель. то правѣ соудилъ ксть. и сѣхранилъ соудъ и правьдоу.
аще ли ѣтъ мѣнога питиѣ забоудетьсѣ. то падеть штъ. // правьды
ѣко ихозиа. и больнѣ боудеть ѣзеоу сѣмъртъною. сирѣчь погоу-
бить расмотреник. и дасть побѣжающии сѣсоудъ зълбѣ. и оумь-
реть въчѣною сѣмъртию. (лл. 139–139 об.)

Мы предлагаем другое членение текста на слова: *ѣко въ малѣ ктерѣ мѣстѣлицѣ. слоужитель чинъ съвършающа*. Вот некоторые из доводов в пользу такого чтения.

Выделяемое сочетание *лицѣ слоужитель*, хотя и не повторяется в других памятниках, по своему характеру типично. Наряду с сочетаниями, в которых *ликъ* стоит в форме ед.ч. (*ликъ женѣ* собранныхъ ту. Пал 1406, 126в), в памятниках встречаются сочетания с этим словом в форме мн.ч.: *срѣтоша тѣ лицѣ черноризецѣ*. ПКП 1406, 105а; *причти мѣ въ ликы стѣхъ. мученикѣ твоихъ*. ЛИ ок. 1425, 208 (1175).

При нашем чтении снимается недоумение, вызываемое отсутствием согласования существительного и глагола-причастия: *слоужитель чинъ съвършающа*. Кроме того, как нам кажется, становится оправданной следующая фраза: *посажакъ въ нихъ ѣко ѣра блага и правьдна. влѣдчнѣго оума*. *Въ нихъ* – подразумевается 'среди многих чувств' и 'среди ликов служителей'. Только при таком понимании (переводе) появляется параллелизм, предопределяемый синтаксическим приемом

сравнения. Слово *мѣсто*, высвободившееся при новом чтении, может быть понято как 'поместье, имение'.

В приведенном выше большом тексте Пандектов Антиоха по списку Троицкого сборника есть еще одно место, сомнительное с точки зрения деления на слова: *бѣ създавыи члѣвка. самовластьна и сътвори. приимъна прилогъ добрына. и злобы. насаженик многа чювьствия.* Эта фраза используется в "Материалах" Срезневского как иллюстрация в словарных статьях *приимъныи* и *прилогъ*. *Приимъныи* 'способный воспринимать': *Приимна* прилогъ добрына и злобы (δεκτικός, σαрасεμ... *propositi aut virtutis aut vitii*) – Панд. Ант. (В.). *Прилогъ* 'намерение': *Сздавыи члѣвка самовластьна и сътвори, приимна прилогъ добрына и злобы* (σαрасεμ *propositi aut virtutis aut vitii*) – Панд. Ант. (В.). Оба примера – выписки из Словаря Востокова А.Х., взятые последним из Пандекта Антиоха в сп. Имп. публ. библ. XVI в. из собр. гр. Толстого (Оп. Толст., ч. I, № 45).

Представляется более оправданным другое членение и другое чтение: *приимъ на прилогъ* (далее по тексту). Прежде всего за такое деление говорит сомнительность формы прилагательного *приимъна* (речь идет о суффиксальном гласном) для XI–XII вв. Ср. в том же тексте: *самовластьна, правдына, съмъртною, вѣчною*. См. также *приимънок* Мин. 1096 г., сент. (Срезневский II, стб. 1400), *приимъное* Ю. екз. Бог. (Срезневский II, 1406: *приимъныи*). Далее, будь в этом тексте прилагательное *приимъныи*, следовало бы ожидать другое управление – не вин. пад., а скорее дат.: *приимъныи* ('восприимчивый') *доброу, зьлоу*. См. пример из Григория Богослова XIV в., л. 27г: айгли же не всако непреложни. но *приимни доброу и злу*.

Основной же довод, убеждающий принять другое чтение, – требование смысла. Начало отрывка представляет собой широко известное и во множестве варьируемое по памятникам изречение: По образу Ёжиж, сътворишоуоумоу кго, създанъ бы члѣкъ, рекъше самовластьнъ, оунъшек или горъшек изволкник самохотиж избираа. (Изб. 1073 г., л. 21. Срезневский III, 247). При нашем чтении рассматриваемого отрывка слова *бѣ създавыи члѣвка. самовластьна и сътвори* синтаксически не связаны со следующими, – причастие *приимъ* подразумевает другое подлежащее – *человек*. Весь текст мы считаем возможным перевести так:

"Я тебе говорю:

Бог, создавший человека, самовластным его сотворил.

[Человек], приняв на приложение добра и зла

насаждение многих чувств,

как в некоем малом месте

лики служителей порядок осуществляют,

сажает в них, как царя благого и праведного,

владычный ум, который тобою судит.

Добро и зло, то есть целомудрие и нечестивость,

обжорство и пощение, ярость и кротость, величание и смирение – вообще всякая добродетель тяжбу имеет со злом. Если ум осудит зло и оправдает добродетель, то правильно судил и сумел соблюсти суд и правду. Если же от много пития забудется, то падет от правды, как Ихозия, и поражен будет раною смертельною, то есть если погубит рассмотрение и даст побеждающий сосуд злу, тогда умре вечною смертию".

Требуется пояснения имя "*Ихозия*". По всей видимости, здесь имеется в виду *Охозия*, нечестивый царь израильский, который умер после тяжелой болезни, полученной в результате падения с балкона своего дома в Самарии. О том, что болезнь царя смертельна, предсказал пророк Илия. "Охозия, сын Ахава, воцарился над Израилем в Самарии... и царствовал над Израилем два года, и делал неугодное пред очами Господа..." (III Цар., XXII, 51–52). "И умер он по слову Господню, которое изрек Илия" (IV Цар., I, 17).

засобъ

Это наречие представлено в "Материалах для Словаря древнерусского языка" Срезневского, в "Словаре русского языка XI–XVII вв." и в "Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)" с общим для всех трех словарей толкованием 'опять'. Текст, иллюстрирующий это значение, также является одним и тем же во всех словарях, – это летописная запись под 866 годом. "Материалы" дают ее предельно кратко: Волнамъ вельямъ въставшемъ *засобъ*. (Пов.вр.л. 6374 г.). Словарь XI–XIV вв. немного расширяет ее: и волнамъ вельямъ въставшемъ *засобъ* безбожных Руси корабль *сма*те (ЛЛ 1377, 7 об.). В Словаре XI–XVII вв. приводится наиболее полный текст по Переяславской летописи, л. 6: Тишинѣ суци и морю укротившюся, абие буря с вѣтромъ въста и волнамъ великимъ въставшимъ *засобъ* безбожныхъ руси корабли *сма*те и ко брѣгу приверже и избиа (СлРЯ XI–XVII вв. 5, 298).

Предлагаемое толкование слова кажется немотивированным, даже сомнительным, потому что текст, особенно в последней цитации, нельзя отнести к "глухим", т.е. таким, которые не говорят ни "за", ни "против" толкования. Значение наречия *опять* предполагает повторение действия, указания же на повторность действия в тексте нет, наоборот, говорится о тишине и укротившемся море.

Для прояснения описываемой ситуации приведем полный текст записи по Лаврентьевскому списку летописи:

"Иде Аскольдъ и Диръ на Греки (русь была тогда языческой, поэтому и названа ниже "безбожной")... и въ двою сотъ корабль Цръградъ ѡстушиша. Цръ же... с патрѣархомъ съ Фотьемъ... всю ночь молтву створиша таж бѣтвную сѣты Бца ризу с ими [‘сняв’?] изнесше в рѣку ѡмочивше тишинѣ суци (и) морю оукротившюся."

И далес идет знакомый нам текст: "абые /'тотчас, сразу же'!/ буря вѣста с вѣтромъ и волнамъ вельямъ вѣставшемъ *засобь* безбожных Руси корабль смате". Слово *засобь* в этом рассказе может быть переведено как 'вплотную друг за другом, безостановочно, непрерывно'.

Укрепляет в этом мнении значение прилагательного *засобитыи* из Златоуструя XII в., приведенного в "Материалах" Срезневского со ссылкой на Востокова – 'один за другим следующий, частый': Бѣды *засобитыа* (κλυδύνοισ ἐπαλλήλους). Со ссылкой на Срезневского приводит этот пример и Словарь XI–XVII вв. Словообразовательная связь *засобь* – *засобитыи*, *сугубь* – *сугубитыи* (Срезневский I, 945; III, 594) кажется очевидной, хотя вообще суф. *-ит-* в древнерусский период "обнаруживает чрезвычайно слабую продуктивность"¹.

Не оставляет сомнения в правомерности нового толкования наречия *засобь* еще один случай употребления этого редкого слова. Обнаружено оно в Рязанской кормчей 1284 г. при объяснении названия одного из соборов. Приведем предельно полный текст, предшествующий фразе с интересующим нас словом, чтобы исключить собственные комментарии. Лист 170 а-в:

"Съборо съ надъписаетьса сице. стѣи великии первыи. и вторыи събо//рѣ иже въ константинѣ градѣ собравыиса. въ всечѣтнѣмъ храмѣ. стѣхъ и прехвалныхъ апѣлѣ. сказъ. (т.е. далее следует объяснение такого необычного названия собора) Недооумѣтиса естъ зде. како едины съборо съ. первы и вторыи. глѣтса. то же имать сицѣ. съборѣ въ прежере чнѣмъ. собраса храмѣ. и сопрѣшаса правовѣрнии. со иновѣрники. и мнѣшеса правовѣрнии. како прѣпрѣшса. и хотѣхоу писати глѣа [вм. глѣана? слог не дописан из-за совпадения его со следующим предлогом, что обычно для рукописей] на съборѣ и не дадѣхоу иновѣрнии. семоу быти... и тако разыидеса съборѣ шѣ. написанымъ оставшимъ. глѣанымъ оубо на немъ. и потомъ прешедшу времени // въторыи съборѣ бысѣвъ [так в рук.!] въ той же цѣкви. и пакѣ ѡ тѣхъ же словѣсехъ. подвижеса бѣсѣда та. тогда же и списана быша глѣанаа. тѣмъ и рѣшса семоу събороу единому соущю поистѣнѣ первому и второму именоватиса. како двожды *засобь* бышю съшествию стѣхъ Ѡцѣ."

Как видим, значение наречия *засобь* в приведенном отрывке полностью совпадает со значением в летописном тексте – 'без перерыва, вплотную (следуя) один за другим', что хорошо согласуется с определением прилагательного *засобитыи*, данным Востоковым. Тот факт, что слово *засобь* встретилось в таких разных по жанру и языку памятниках, как летопись и кормчая, существенно изменяет первоначальное представление о его употреблении в древнерусском языке.

В качестве справки заметим, что пример со словом *засобь* из Рязанской кормчей случайно не попал в словарную статью *засобь* в т. III "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв." и будет дан в Дополнении к Словарю.

сырорѣзаник

Лексикология и лексикография как разделы науки о языке развиваются (или должны развиваться) параллельно. Пласты лексики, не затронутые лексикологическим изучением, и в словарях часто бывают представлены "в сыром виде". В таком случае словарь выполняет роль "материалов к словарю", как в свое время излишне скромно назван был прекрасный труд И.И. Срезневского.

К таким материалам, в частности, можно отнести почти все слова со знаком "?" на месте толкования ("почти" – потому что некоторые из таких слов действительно являются "бессмысленными" для данного текста, в данном употреблении).

На примере рассмотренного выше слова *мѣстѣлица* можно наглядно представить, как велика сила инерции, или традиции, в лексикографической работе историка, тем более когда у истоков ее такие имена как Востоков и Срезневский. На примере толкования слова *засобь* – та же картина. И это кажется в порядке вещей, т.к. преемственность в лексикографии (тем более при описании языка того же периода и одних и тех же памятников) не только нужна, но и обязательна с любой точки зрения.

Теперь остановимся на одном из слов, имеющих на месте толкования знак вопроса. В "Материалах" Срезневского без толкования оставлено слово *сырѣзаник* с примером из Сказания о Борисе и Глебе по Сильвестровскому списку XIV в.: Нѣсть оубиство, нѣ сырорѣзаник; что зло съдѣяхъ, свидѣтельствуите ми." В картотеке "Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.", созданной, как известно, по принципу полной расписки памятников, *сырорѣзаник* также представлено одним примером из того же "Сказания" по списку Успенского сборника XII в., изданного А.А. Шахматовым и П.А. Лавровым в 1899 г. Автор словарной статьи в Словаре тоже дал это слово без толкования.

Вместе с тем, морфология слова ясна, ясен текст, в котором отмечено слово, хорошо изучен памятник (в 1971 г. он опубликован в составе издания "Успенский сборник XII–XIII вв." под ред. С.И. Коткова), наконец, в деталях изучено историческое событие, описываемое в "Сказании": текст с нашим словом представляет собой предсмертные слова князя Глеба, младшего сына Владимира Святого, к слугам Святополковым, посланным его убить.

Из истории известно, что князь Глеб был значительно моложе своего брата Бориса, но даты рождения того и другого неизвестны. С.М. Соловьев считает, что в момент убийства Борису не могло быть более 25 лет. Но это крайняя дата, в Сказании же он описывается

очень юным: тѣлѣмъ бѣше краснѣнъ. высокъ... очима добраама весель
лицѣмъ борода мала. и оусъ. младъ бо бѣще. (л. 18а). И далее там же:
"аки цвѣтъ цвѣтыи въ оуности своки". В "Сказании" Борис называет
Глеба своим братцем меньшим.

Возраст князя Глеба имеет прямое отношение к пониманию слова
сырорѣзаникъ, но гораздо важнее фактического – "литературный"
возраст князя, то есть тот, в котором представляет его автор
"Сказания о Борисе и Глебе". Автор сравнивает Глеба с колосом
несозревшим, с лозой невыросшей, еще не давшей плода:

"помилоуйте оуности мокѣ... не пожьнете мене отъ житиѣ
несъзрѣла не пожьнѣте класа не оуже съзрѣвъша. нѣ млеко
безълобиѣ носѣща. не порѣжете лозы не до конца възрастѣша.
а плодъ имоуща... оубоитеса рекѣшааго усты апѣльскы. не дѣти
бываите оумы зѣлобикѣмъ же младенствоуйте. а оумы съвършени
бываите. азъ братикъ и зѣлобикѣмъ и възрастѣмъ кще младенѣст-
воюю. се нѣсть оубиство нѣ *сырорѣзаникъ*." (л. 14а).

Обращаясь к слугам Святополка, князь называет их не только
братие, но и *господие*. Это лишний раз показывает, что он был самым
младшим из всех участников драмы.

Слово *сырорѣзаникъ* может быть переведено как 'срезание сырого,
незрелого, еще не давшего плода'. Соответствующее значение имени
прилагательного *сыръ* в языке древнерусской письменности представ-
лено единичными примерами, которые сами по себе могут показаться
не вполне надежными, но все вместе дают представление о возмож-
ности существования смыслового ряда – 'сырой, молодой, зеленый,
несозревший': Внегда бо риксъ съде обѣдати. и....павлинѣ. [он был у
царя огородником] зелиѣ бѣгоуханѣна и младок [так в рук.!]
кодиментъ сыръ носѣ влѣзе (Пандекты Никона Черногорца 1296 г.,
83); и толикоу имѣше болѣзнѣ нестерпимоу, *яко дерзноюувъ испроси
яблѣкы сыро* и ножъ (Георгий Амартол XIII–XIV вв., 138а). В греч.
тексте нет соответствия для *сыро*: μῆλον ὄμοῦ καὶ μάχαϊραν); приѣ
же *яковъ жезль орѣховъ сыръ*. и испестри. и вложи в корыто. идеже
овци пыаху. (Χλοράν – Григорий Богослов XIV в., 174а). Ср. объяснения
в "Толковом словаре" Даля: "молодо, зелено – незрело, безрассудно"
(Даль² I, 677), "сырые плоды – зеленые, недоспелые" (Даль² IV, 375).

Несобычность слова *сырорѣзаникъ* легко объясняется всем стилем
"Сказания", в высшей степени эмоциональным. Стремлением автора к
выразительности можно объяснить и необычное (по крайней мере, для
современного сознания) противопоставление убийства и сырорезания.
"Это не есть убийство, но сырорезание", то есть последнес несравненно
хуже убийства, значительно бѣльший грех, чем убийство. Напомним,
что автор Сказания был христианином. Дети князя Владимира Борис и
Глеб тоже были христианами (их имена при крещении Роман и Давид).

По нормам христианского вероучения не всякое убийство считалось законопреступным, – например, не было таковым убийство преступника по правосудию или убийство на войне, в бою. Поэтому князь Глеб в обращении к слугам Святополка просит назвать свою книгу: "если какое зло совершил я, то свидетельствуйте мне, если же крови моей хотите насытиться, то ведь я уже в руках ваших и брата моего, вашего князя". Именно в таком контексте *сырорѣзаниѣ* (конечно, в его символическом смысле!) было большим злодеянием, чем убийство, по бессмысленности, напрасности его.

Примечания

¹ Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. М., 1986, 72.

А.К. Матвеев*

ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГОВОРАХ РУССКОГО СЕВЕРА. I

1. Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах русского Севера

В своей статье о коми-зырянских заимствованиях в русском языке финский лингвист Я. Калима рассматривает около ста русских диалектных слов¹. Среди них есть как бесспорные заимствования из коми языка, так и слова, неясные по происхождению, но зафиксированные и в коми языке, и в русских народных говорах. Однако в распоряжении Калимы были только словарные источники начала XX в., и поэтому корпус выявленной им русской диалектной лексики, заимствованной из коми языка, ограничен. Кроме того, некоторые этимологии Калимы со временем были отвергнуты или уточнены². Тем не менее именно труд Калимы положил начало изучению русских диалектных заимствований из языка коми.

Лексические заимствования из коми-зырянских диалектов распространились как на запад – в говоры русского Севера, так и на восток – в уральские и сибирские диалекты русского языка, при этом мог происходить перенос заимствований из коми языка русскими переселенцами. Так, слово *виска* 'проток'³, скорее всего, сначала проникло из коми языка в мезенские и пинежские говоры русских, оттуда – в Припечорье, а затем распространилось по Сибири вплоть до Колымы и Камчатки. В то же время могли иметь место и случаи параллельного

* © А.К. Матвеев